

А Н Н О Т А Ц И И

J. Matthews. Western Aristocracies and Imperial Court A. D. 364—425. Oxford, 1975, XIV+427 p.

В последнее время одна за другой вышли в свет несколько работ, посвященных сенаторской аристократии поздней Римской империи. Помимо исследований, в которых делаются попытки рассмотреть проблему в целом¹, продолжают появляться работы, в центре внимания которых находятся отдельные представители сенаторской аристократии², а также исследования, ограниченные локальными³ или хронологическими рамками⁴. В ряде статей и книг рассматривается религиозный аспект проблемы⁵, в частности вопрос о христианизации сенаторской аристократии⁶. Все эти исследования представляют собой несомненный вклад в изучение структуры и эволюции сенаторской аристократии этого периода.

Рецензируемая монография Дж. Мэтьюза посвящена господствующему классу Италии и отчасти — провинциальной аристократии Gallii и Испании. Она охватывает сравнительно небольшой промежуток времени — от начала правления Валентиниана I до вступления на престол Валентиниана III. Автор поставил своей целью дать картину политической жизни Западноримской империи конца IV—начала V в. Он пытается выявить соотношение между общественной и частной жизнью людей, вовлеченных в политические события этого времени, и показать, как реальная власть в Западноримской империи постепенно переходит из ведения органов публичной власти в частные руки.

Монография построена как ряд тематических очерков, посвященных столичной и провинциальной знати, императорскому двору и отдельным личностям (Симмаху, Авсонию, Амвросию и т. д.). Подобные очерки перемежаются с главами повествовательного характера. Эти главы, по замыслу автора, должны были, с одной стороны,

¹ *Wes M. A.* Das Ende des Kaisertums in Westen des römischen Reiches. Hague, 1967; *Arsac P.* La dignité sénatorial au Bas-Empire. — *Revue historique de droit français et étranger*, 1969, N 2, p. 198—243; *Chastagnol A.* L'évolution de l'ordre sénatorial aux III^e et IV^e siècles de notre ère. — *RH*, 1970, 496, p. 305—344; *Malcus B.* Le Sénat et l'ordre sénatorial au Bas-Empire. Lund, 1970; *Arnheim M. T. W.* The Senatorial Aristocracy in the Later Roman Empire. Oxford, 1972; *Shazman I.* Senatorial wealth and Roman politics. Bruxelles, 1975.

² *Barnes T. D.* Two Senators under Constantine. — *JRS*, 1975, 65, p. 40—49.

³ *Overbeck M.* Untersuchungen zum afrikanischen Senatsadel in der Spätantike. — *Frankfurter Althistorische Studien*, 1973, H. 7; *Held W.* Die gallische Aristokratie im 4. Jh. hinsichtlich ihrer Siedlungsstandorte und ihrer Stellung zur römischen Provinzial — bzw. Zentraladministration. — *Klio*, 1976, 58, S. 121—140.

⁴ *Chastagnol A.* Le Sénat romain sous le règne d'Odoacre: recherches sur l'épigraphie du Colisée au V^e siècle. Bonn, 1966.

⁵ *Matthews J. F.* Symmachus and the Oriental Cults. — *JRS*, 1973, 63, p. 175—195.

⁶ *Eck W.* Das Eindringen des Christentums in den Senatorenstand bis zu Konstantin der Große. — *Chrin. Mitteilungen der Kommission für Alte Geschichte und Epigraphik des Deutschen Archaeologischen Instituts. München*, 1971, Bd. 1; *Brown P.* Religion and Society in the Age of Saint Augustine. London, 1972; *Pietri Ch.* L'aristocratie chrétienne entre Jean de Constantinople et Augustin d'Hippone. — *Jean Chrysostome et Augustin*. Paris, 1975, p. 283—305.

явиться связующими звеньями тематических очерков, с другой — дать читателю возможность воспринимать эти очерки на фоне поступательного хода времени (с. XI—XII).

В начале книги автор дает характеристику «двух правящих классов» империи — родовитой аристократии и служилой знати. В IV в. западноримская родовитая аристократия сохраняла особый, сенаторский образ жизни с его культом *otium* и *amicitia*. К должностям в имперском аппарате отношение у сенаторов было двойственным. С одной стороны, связанные с хлопотными обязанностями и беспокойствами политической жизни должности вызывали у них антипатию, с другой стороны, сенаторы с пиететом относились к достоинству и почестям, которые приносили должности, воспринимавшиеся сенаторами как фактор социального престижа.

Это двойственное отношение к государственной службе отражало ту реальную роль, которую играла сенаторская аристократия в политической жизни империи IV в. Сенаторы не занимали административных постов в имперской бюрократии и не имели активных связей с двором (с. 12—17). Начальной ступенью в карьере сенатора являлись должности квестора и претора. В свое время эти посты считались важными ступенями в блестящей политической карьере сенатора и вели к консульству и командованию войсками в пограничных провинциях. К IV в. должности претора и квестора превратились в церемониальные звания, лишенные прежней значимости. Сенаторы занимают их тотчас же по достижении ими зрелого возраста. По отправлении этих должностей сенатор мог быть дополнительно избран консулом (*consul suffectus*), в то время как ординарного консульства удостаивались в основном военачальники и высшие чиновники (с. 16).

Деятельность сенаторов протекала главным образом в провинциях и в самом Риме, где сенаторы сохраняли экономическое и социальное господство. Из 35 известных префектов Рима, занимавших эту должность с 361 по 395 г., 21 являлся выходцем из сенаторской фамилии (с. 16). Провинциями (особенно Италией, Сицилией и Африкой) также управляли сенаторские семьи. Существенно важно то, что именно в этих областях у сенаторов имела земельная собственность. Как крупные земельные собственники, сенаторы господствовали здесь не только в экономической, но и в социальной сфере, поскольку располагали на этих территориях разветвленными наследственными связями (клиентелой). Их позиции в провинциях еще более усилились вследствие перехода политической власти на местах в руки крупных землевладельцев. В итоге, подчеркивает автор, в IV в. сенаторы оставались «наследственным правящим классом», влияние которого было не уменьшено, а скорее увеличено в результате изменений, имевших место в политической структуре Римской империи (с. 30).

Далее автор переходит к рассмотрению имперской бюрократии, которая (включая все ее уровни) являлась самым многочисленным «профессиональным классом поздней Римской империи» (с. 41). Двор и различные канцелярии открывали доступ способным и честолюбивым людям, давая им возможность в случае удачи подняться на весьма высокие посты. Но если при Валентиниане I именно профессионалы-чиновники и военные составляли непосредственное окружение императора, то с приходом к власти Грациана положение существенно меняется. Ядро императорского двора в то время составляет провинциальная аристократия из Южной Галлии. Это создает почву для контактов между сенатом и двором, для возникновения индивидуальных связей в духе *amicitia* между сенаторами и придворными (с. 254—255).

При Стилихоне роль сената была в значительной степени декоративной (с. 305), начиная же с конца первого десятилетия V в. сенаторская аристократия все больше и больше принимает непосредственное участие в решении многих важных государственных проблем. В то время как императорская власть переживает кризис, сенаторская аристократия усиливает свои позиции. При этом сенаторы сохраняют свой прежний образ жизни. Они живут в роскошных имениях, занимаются охотой и поэзией, ведут переписку с друзьями, устраивают дорогостоящие игры на ипподроме. Ряд сенаторов принимает активное участие в языческих праздниках и церемониях, которые переживают в этот период известное возрождение (с. 352—361). Однако для последующего общественного развития имело значение не столько оживление язычества, сколько постепенная христианизация сенаторской аристократии. Сенаторам

импонировал сложившийся к этому времени ритуал христианской церкви. Участие в христианских праздниках и церемониях было для них проявлением их социального престижа. Сенаторы-христиане мыслят себя аристократией среди христиан-мирян, аристократией светской части христианской церкви.

В целом, подчеркивает Мэтьюз, сенаторские фамилии сохранялись на протяжении V и даже в VI в. Сенаторы пережили падение императорской власти на Западе и сыграли важную роль в истории Италии и Галлии как представители римской цивилизации и хранители римских традиций. Нельзя не заметить сколь сильно идеализирует автор сенаторскую аристократию. Мэтьюз словно забывает о том, в какой степени эта аристократия способствовала падению Римской империи. Автор наделяет сенаторов патриотизмом, считает их хранителями римских традиций, в то время как приведенные им самим факты свидетельствуют скорее об обратном. В трудные для империи годы основные помыслы сенаторов сводятся к защите и сохранению собственного имущества. Во время осады Рима Аларихом зимой 408/09 г., когда страдало все население города, сенаторы всячески отказывались внести свою лепту в сбор выкупа, назначенного Аларихом. Именно по вине сенаторов для того, чтобы доставить необходимое количество золота и серебра, пришлось разорять храмы и даже расплавить многие украшавшие город статуи (с. 291). В 397 г., когда Стилихон для борьбы с Гильдоном хотел получить от сенаторской аристократии рекрутов, сенаторы упорно противились этому, неоднократно отправляя посольства ко двору, с тем чтобы им заменили поставку рекрутов денежными платежами (с. 268—269, 277). Это происходило в то время, когда сам император был вынужден разрешить сбор поземельного налога собственных земель (с. 277). Представители же сенаторской аристократии предпочитали тратить деньги на дорогостоящие игры на ипподроме. Симмах истратил 2 тыс. фунтов золота для преторских игр своего сына, сенатору Максиму игры в честь вступления его сына в должность претора обошлись в 4 тыс. фунтов золота (с. 277).

Но идеализация сенаторской аристократии — не единственный и не наиболее спорный момент в концепции автора. Основу этой концепции составляет тезис о сохранении и даже усилении сенаторского сословия в исследуемый период. Однако автор, по существу, не раскрывает причин этого феномена. Мэтьюз отмечает лишь чисто политические обстоятельства, которые способствовали усилению позиций сенаторской аристократии, а именно — изменение политики императоров по отношению к членам сената после смерти Валентиниана I, а также перенесение императорского двора из Трира в Милан, что территориально приблизило сенат ко двору (с. 256). О глубоких социально-экономических изменениях в позднеримском обществе в книге не говорится ни слова. Между тем несомненно, что именно здесь следует искать основу для разрешения проблемы.

Хотя выводы автора о сохранении сенаторской аристократии совпадают с результатами изысканий других исследователей⁷, не следует преувеличивать масштабы этого явления. По всей видимости, и численность сенаторской аристократии, и размеры ее земельных владений значительно уменьшились в результате конфискаций земель и варварских вторжений.

Выводы автора чаще всего строятся на отдельных примерах. Так, в главе, посвященной режиму Стилихона, Мэтьюз пишет: «Если случай Симмаха был типичным, то сенаторы в период Стилихона могли чувствовать, что их позиции при дворе были прочнее, чем когда-либо раньше» (с. 268). Но читателю хотелось бы убедиться в том, что положение Симмаха было типичным случаем, а не исключением для сенаторской аристократии того времени. Книге явно недостает использования статистически обработанного материала.

Большие возражения вызывают основные положения главы V («Христианство и двор: 1. Константинополь»). Глава посвящена в основном религиозной политике Феодосия I. Отмечая распространение христианства на Востоке, Мэтьюз связывает этот процесс с воздействием испанского окружения Феодосия, которое якобы привнесло на Восток «испанское благочестие». Самое существование некоего «испанского благочестия» в этот период остается абсолютно недоказанным и дано лишь как возможная параллель к «благочестию» аристократии Южной Галлии (с. 146—171). Весьма

⁷ См. указанные в прим. 1 и 3 работы Арихайма и Овербека.

спорно и положение об исключительности той роли, которую играли испанцы в окружении Феодосия I. В самом деле, в период его правления ключевую позицию в имперской администрации восточной части империи — должность префекта претория Востока — последовательно занимали: Фл. Неотерий (380—381), Флор (381—383), Постумиан (383); Матерн Кинегий (384—388), Татиан (388—392), Руфин (392—395)⁸. Из них Флор и Матерн Кинегий были испанцами. Из шести комитов *rei privatae* испанцами были двое: Небридий и Декстер⁹. За весь период правления Феодосия лишь один испанец (Флор) был удостоен поста магистра оффиций¹⁰. Должность префекта города Константинополя лишь короткое время (с января 386 по июнь 386 или 387 г.) занимал испанец Небридий¹¹. Существенно и другое: из тех испанцев, которые последовали на Восток за Феодосием, никто, в сущности, не задержался там надолго и не оставил своих корней, наличием и влиянием которых можно было бы объяснить дальнейшее укрепление там христианства. Политическая карьера Амелия Флора Патерна, сына Флора, префекта претория Востока в 381—383 гг., и при жизни Феодосия, и после его смерти была связана с Западом. В 393 г. он — проконсул Африки, затем после смерти Феодосия оказывается в Милане как важная фигура при дворе Гонория, в 396—398 гг. он — комит священных щедрот¹². Префект претория Востока 384—388 гг. Матерн Кинегий умер в 388 г., и его останки жена перевезла в Испанию (с. 110). Еще при жизни Феодосия умер и Небридий, префект Константинополя 386 г. От его недолгого брака с Олимпиадой, представительницей одной из богатейших фамилий Константинополя, детей, по-видимому, не осталось. Его сын от первого брака, носивший то же имя Небридий, умер молодым, оставив жену (дочь Гильдона Сальвину) с двумя маленькими детьми. Сальвина впоследствии стала активной сторонницей Иоанна Златоуста¹³, но испанкой она не была, и на ее образ мыслей мог воздействовать скорее великий проповедник, чем испанское окружение императора. Еще один испанец при дворе Феодосия — комит *rei privatae* 387 г. Нуммий Эмилиан Декстер — вскоре после смерти императора оказался на Западе и уже в марте 395 г. был префектом претория Италии¹⁴.

Итак, едва ли можно говорить о сколько-нибудь серьезном влиянии испанцев на общество восточной половины империи.

С сожалением приходится констатировать, что в монографии Мэтьюса не учтены работы советских исследователей (В. И. Кузищина, Е. М. Штаерман, З. В. Удальцовой, М. Я. Сюзюмова, Г. Л. Курбатова, А. Р. Корсунского и др.), а также ряд трудов зарубежных авторов¹⁵.

А. А. Чекалова

G. R ö s c h. ONOMA ΒΑΣΙΛΕΙΑΣ. Studien zur offiziellen Gebrauch der Kaiser-titel im spätantiker und frühbyzantinischer Zeit. Wien, 1978, 180 S.

В основе монографии Г. Рэша лежит диссертация, представленная к защите осенью 1976 г. на философско-историческом факультете Гейдельбергского университета. Цель автора — дать обзор развития императорского титула «в официальном языке римско-византийской империи в период между Константином Великим и правлением Ирины» (с. 157). Труд Г. Рэша во многом восполняет пробел, существующий в византиноведении по данной проблеме, тем более что известные работы О. Зеека, Ф. Дэльгера, К. Бранди и Л. Брейе, имеющие к ней отношение, ограничивались, как правило, сбором соответствующего материала. Г. Рэш, пользуясь просопографическим методом исследования, справедливо считает собранный до него материал не-

⁸ Jones A. H. M., Martindale J. R., Morris J. The Prosopography of the Later Roman Empire. Cambridge, 1971, p. 1051—1052.

⁹ Ibid., p. 1064, 520, 251.

¹⁰ Ibid., p. 1060—1061.

¹¹ Ibid., p. 1056—1057, 620.

¹² Ibid., p. 671—672.

¹³ Ibid., p. 799.

¹⁴ Ibid., p. 251.

¹⁵ См. указанные выше работы Арсака, Кастаньоля, Малжюса.